

АВГУСТ
2005 год выпуск XXXI

ПРИХОДСКОЙ ВЕСТНИК

ХРАМА

прп. Марона Пустынника Сирийского
(Благовещения Пресвятой Богородицы в Старых Панех)

**1 августа - Обретение мощей прп. Серафима,
Саровского чудотворца (1903 г.)**

2 стр. — «Вы сильные, носите
немощи слабым...»

6 стр. — Благодарная память

11 стр. — Баллада об ожидании Схождения Благодатного Огня

Преподобный Серафим Саровский Духовные наставления

О вере в Бога

Прежде всего должно верить в Бога, *яко есть и взыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ* (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преп. Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, т. е. крестом, помощью вервия, т. е. благодати Духа Святаго.

Вера безъ делъ мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: **любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу.** Только такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может быть без дел: кто истинно верует, тот непременно имеет и дела.

О хранении мира душевного

Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений.

Такое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и сделать оное обителью для Самого Бога.

Образ такого безгневия мы видим на Григории Чудотворце, с которого в публичном месте жена некая блудница просила мзды, якобы за содеянный с нею грех; а он, на нее нимало не разгневавшись, кротко сказал некоему своему другу: даждь скоро ей цену, колико требует. Жена, только что прияла несправедную мзду, подверглась нападению беса; святой же отогнал от нее беса молитвою (Четьи Миней, ноябрь 17, в житии его).

Ежели же невозможно, чтобы не возмутиться, то, по крайней мере, надобно стараться удерживать язык, по глаголу Псалмопевца: *смятохся и не глаголахъ* (Пс. 76, 5).

В сем случае сможем в образец себе взять св. Спиридона Тримифунтского и преп. Ефрема Сирина. Первый (Чет. Мин., дек. 12, в житии его) так перенес оскорбление: когда, по требованию царя греческого, входил он во дворец, то некто из слуг, в палате царской бывших, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал его в палату, а потом ударил и в ланиту; св. Спиридон, будучи незлобив, по слову Господню, обратил ему и другую (Мф. 5, 39).

Преп. Ефрем (Чет. Мин., янв. 28, в житии

его), постясь в пустыне, лишен был учеником пищи таким образом: ученик, неся ему пищу, сокрушил на пути, нехотя, сосуд. Преподобный, увидев печального ученика, сказал к нему: *не скорби, брате, аще бо не восхоте прийти к нам пища, то мы поидем к ней*; и пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее: так был он безгневен.

А как побеждать гнев, сие можно видеть из жития великого Паисия (Чет. Мин., июня 19, в житии его), который явившегося ему Господа Иисуса Христа просил, дабы он освободил его от гнева; и рече ему Христос: *аще гнев и ярость купно победити хоцещи, ничесомже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи*.

Дабы сохранить мир душевный, должно отдалять от себя уныние и стараться иметь дух радостный, а не печальный, по слову Сираха: *печаль бо многихъ уби и несть пользы въ ней* (Сир. 30, 25).

Когда человек имеет большой недостаток в потребных для тела вещах, то трудно победить уныние. Но сие, конечно, к слабым душам относиться должно.

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный: когда в таком устройении бывает человек, то получает Божественные откровения.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я? При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатные дарования получают токмо те, кои имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

К чему призван христианин? Отличаемся ли мы на самом деле чем-нибудь от неверующих людей? Сила и немощь — что это такое?

Митрополит Сурожский Антоний

«ВЫ, СИЛЬНЫЕ, НОСИТЕ НЕМОЩИ СЛАБЫХ...»

Неделя 7-я по Пятидесятнице

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В сегодняшнем послании апостол Павел призывает всех христиан быть силой и опорой для тех, кто слаб. Каждому из нас и всей христианской общине он говорит: *Вы, сильные, носите немощи слабых...*

И это должно заставить нас задуматься. Можно ли действительно назвать нас «сильными» по сравнению с другими людьми? Разве мы не видим, каждый из нас, как мы хрупки и как мы слабы? Разве мы не чувствуем, что как бы мы ни стремились быть собственными Божиими людьми, у нас нет ни сил, ни крепости осуществить наше человеческое и наше христианское призвание? Но тут мы должны вспомнить другое слово апостола Павла. Павел тоже чувствовал, что он слаб, что нет у него той силы, которая сделала бы его способным на апостольство, и молил Господа дать ему силы. И Господь ответил ему и сказал: *Моя сила совершается в немощи...* И Павел, поняв, что это означает, восклицает: *Поэтому я буду хвалиться только немощами моими, дабы всё было действием благодати Господней...*

Но эта немощь — не трусость, не робость, не безволие, не лень, — всё то, что можно назвать инертностью, расслабленностью и что не дает нам совершить то, что мы са-

мы считаем правдой, то, по чему тоскует наша душа, о чем мы умом понимаем, что это — самое прекрасное, самое святое, и что воля наша неспособна, однако, привести в исполнение. Речь идет о другой немощи: о сознании, что мы не можем достичь того величия, к которому призваны, если только Бог не поможет нам: ибо мы призваны быть сынами и дочерьми Всевышнего, собственными Божиими детьми. Да — по приобщенности; но, приобщившись, быть так же всецело и совершенно Божиими детьми, как был Божиим Сыном Единородный Сын Божий.

Но что означает, что мы должны поддерживать, помогать, бодрить тех, кто слаб? Начало ответа, может быть, мы можем уловить в сегодняшнем Евангелии. Христос встретил слепого; Он дал ему зрение. Мы окружены людьми, которые слепы — не физически, но во многих других отношениях; людьми, которым нужно найти такое зрение и такое прозрение, которое позволило бы им вырасти в полную меру их роста и стать подлинно счастливыми, — счастливыми не в поверхностном смысле удовлетворения жизненной удачей, которая всё равно оставляет нас голодными и тоскующими, — но иного рода счастьем.

На что же мы можем раскрыть глаза другим людям? Прежде всего, дать им увидеть, как они велики, как они значительны для Бога. Каждый из нас вызван к бытию не только волей Божией, но и Его любовью. Каждый из нас значит для Бога так много, что ради нашего спасения Он дал Своего Единородного Сына: всю Его жизнь, всё Его страдание, всю Его смерть. Вот что каждый из нас, каждая человеческая личность во всем мире значит для Бога. И так немногие из нас понимают, как безгранично мы драгоценны для Бога: так же, как Сам Бог безграничен.

Можно раскрыть их глаза и на то, что в них живет, чувствует этот голод, и что он слишком велик, чтобы его могли утолить вещи тварного мира. Один только Бог может его утолить. Но как увидеть Бога? Из воскресенья в воскресенье и раз за разом слышим мы слова Христовы: *Блаженны чистые сердцем, потому что они узрят Бога...* И вот каждого человека вокруг нас мы должны побуждать относиться бережно и благоговейно к собственной чистоте, бороться за чистоту ума, за чистоту сердца, за чистоту жизни с тем, чтобы, став сначала менее тусклым, затем более просветленным, а потом и совершенно прозрачным, человек умом и сердцем увидел бы Бога.

Здесь каждый может обернуться к нам и сказать: *Врачу, исцелися сам!..* И воистину, мы можем помочь другим, только если сами боремся и стремимся вырасти в меру величия Божия, величия Единородного Сына Божия, ставшего сыном человеческим, в меру чистоты, которая позволит нам видеть Бога.

И многое другое мы можем обнаружить в нас самих и в других людях, — разные формы слепоты. Обнаружив их, мы должны обратить на них внимание других, потому что если мы неспособны быть до конца тем, чем должны бы быть, то, может, по нашему слову другие сумеют достигнуть того, что мы, по нерадению, по слабости, не умеем осуществить.

Подобно тому и немота человека из сегодняшнего евангельского отрывка: сколько среди нас немых — по ущербности, по болезни, но — увь! — не потому что нас охватило созерцательное безмолвие перед лицом величия Божия и нашей собственной красоты. И нет пути обнаружить, *кто* есть Бог, и *что* есть Бог, если мы не обнаружим святость и красоту в себе самих. Один русский проповедник сказал раз: *Когда Бог смотрит на нас, Он не видит ни добродетелей, ни успехов, которых нет, но Он видит извечную красоту, которой Он нас одарил...*

Вот наша весть каждому человеку и весть каждого нам самим: благоговей перед этой красотой, возлюби ее, исполни ее, стань великим! И тогда окажется, что мы выполним то, к чему нас призывает апостол Павел в своем послании: мы поддержали и понесли того, кто хрупок и слаб, но

не своей силой, а силой Божией, потому что *всё* возможно в укрепляющем нас Духе Божиим. Аминь.

14 августа 1983

Протоиерей Сергей Булгаков
из «Дневника духовного»

26.XI/9.XII.1924

И власы ваши на главе изочтены суть. Верь этому крепко и неизменно, верь не только о себе, но и близких любимых твоих, тех, жизнь которых и благо тебе дороже (или кажутся дороже) своей собственной. Оставляя их, разлучаясь с ними, вверяя их и себя Господу, Который держит в руке Своей все творение, Которым живем и движемся и есьмы. Какая твердость и какая радость в мысли, что каждый день жизни, каждую ее улыбку и каждую ее слезу посылает Он и Он Сам блюдет и хранит Свое творение. Ты любишь своих дорогих, ты щитом своей любви и молитвы хочешь их защитить и оградить, твоя любовь бдит над ними, но подумай, что раньше тебя и больше тебя, мудрее тебя бдит и хранит их любовь Божия. И если ты любишь Бога, если своих дорогих любишь с Богом и в Боге, ты знаешь это сердцем. Каждое твое дыхание исполнено радости о Боге, и то, что должно щемить человеческое сердце грустью и тревогой, становится лишь новым праздником любви Божией. Тягостна, мучительна разлука с любимыми, но в Боге нет и разлуки. В Боге все вечно есть, и любовь вечна, неотъемлема и неразлучна, и краткие мгновения страданий любви тонут в океане, в веках веков торжествующей любви. Когда Господь прощался с учениками на Тайной вечере, Он говорил им непонятные слова о том, что Он скоро уходит от них, и скоро придет к ним. И не ведали, что слова эти о всякой земной разлуке в Боге. Если есть веяние Утешителя, Духа Божия, Он утешает и уверяет, что всякая человеческая разлука тонет в вечности любви и всякая тучка на сердце человеческом тает и рассеивается в огне ее. Кто отлучит нас от любви Божией!!! Отчего же мы о Нем забыли, так не верим Ему, что со смущением и спешно произносим евангельские слова с обетованиями Спасителя? Потеряли ли они силу свою, силу Христову? Нам не нужно держаться за букву и форму, именно за те чудеса и знамения, которые даны апостолам, — Бог даст тот дар, который нужен, но нам надо научиться всегда и беззаветно верить в силу Христову и в силу молитвы Ему. Каждый христианин в смиренности должен остерегаться знамений, но в дерзновении молитвенном и он — чудотворец силою Христовой, и он низводит силы своею молитвою. К этому призывает Господь, этого хочет Он от верующих. Часто молитва наша робка и маловерна, уже заранее в сердце звучит неверие, когда уста произносят молитву, неверие или в себя, или в Самого Господа, что обычно слито вместе. Но есть мера молитвы и сила молитвенного подвига, который иначе и не может совершаться как в дерзновении, в знании силы своей. Но он требует от нас великого напряжения, трудов и потов, которых мы не даем. Итак, не Господь отступил от нас, но молитвенная леность наша нас от Него отдалила. Самый трудный путь и трудный труд есть молитвенное делание. Господи, заложи в нас молитву, дай дар молитвенный, дай волю и труд.

ИЗУЧАЕМ ПИСАНИЕ

Продолжаем публикацию комментариев к псалмам, подготовленных силами прихожан нашего Храма — учащихся Воскресной школы. Начало см. в выпусках XXII-XXX. Сначала дается церковнославянский текст, ниже — комментированный перевод.

Ѧ. Въ концѣхъ, Ѳсаломъ двѣдъ, ѦѦ.

Ѧ. Оубльшнтъ тѧ гдѣ въ дѣнь печѧли, защититъ тѧ ѥма бѧ ѡквѧла.

Ѧ. Помлетъ тѧ помощь ѡ (ѡвѣ)гѡ, ѡ ѡ ѡѡна застѣпитъ тѧ.

Ѧ. Поманѣтъ всѧкъ жертьвѣ твоеѡ, ѡ всеожженіе твоеѡ тѣчно бѡди.

Ѧ. Дартъ тѧ гдѣ по ердцѣ твоемѣ, ѡ всѣхъ совѣтъ твоеѡ исполнитъ.

Ѧ. Возрадѡемѧ ѡ спѣніи твоемѣ, ѡ во ѥма гдѣ бѧ нашегѡ возвелѣчимѧ: исполнитъ гдѣ всѧ прощѣніѧ твоеѧ.

Ѧ. Нынѣ познахъ, ѡкѡ спѣ гдѣ хрѣста своего: оубльшнтъ гдѣ изъ нѣсе (ѡвѣ)гѡ своего: въ силѣхъ спѣніе десницы гдѣ.

Ѧ. Сѡн на колѣннцахъ, ѡ сѡн на конѣхъ: мы же во ѥма гдѣ бѧ нашегѡ призобѣмъ.

Ѧ. Тѡн спѧтъ быша ѡ падѡша: мы же востѧхомъ ѡ исправнѡмѧ.

Ѧ. Гдѣ, спѧси царѧ, ѡ оубльшии ны, вѡньже ѡце дѣнь призобѣмъ тѧ.

Ѧ. Ѳсаломъ двѣдъ, Ѧ.

Ѧ. Гдѣ, силою твоеѡ возвелѣтитъ царѣ, ѡ ѡ спѣніи твоемѣ возрадѣтитъ сѧла.

Ѧ. Желніе ердца гдѣ дѧлзъ сѡнъ ѡмѣ, ѡ хотѣніѧ оубртѣ гдѣ нѣсѡ лишнѧ гдѣ.

Ѧ. ѡкѡ предварѧлзъ сѡнъ гдѣ бѡгѡсловеніемъ бѡгѡстѡннѡмъ, положѧлзъ сѡнъ на главѣ гдѣ вѣнѣцъ ѡ камѣне чѣстѧ.

Ѧ. Животѧ прогѧлзъ сѣтъ оубъ тевѣ, ѡ дѧлзъ сѡнъ ѡмѣ долготѣ днѡи во вѣкѣхъ вѣка.

Ѧ. Кѣліѧ слѧва гдѣ спѣніемъ твоемъ: слѧвѣ ѡ велѣтѡе возложѧши на негѡ.

Ѧ. ѡкѡ дѧси ѡмѣ бѡгѡсловеніе во вѣкѣхъ вѣка: возвелѣши гдѣ радѡстѡ изъ лицѣмъ твоемъ.

Ѧ. ѡкѡ царѣ оубѡвѣтитъ на гдѣ, ѡ мѡтѡи бѡшинѧгѡ не подѡжнтѧ.

Ѧ. Дѧ ѡбръщѣтѧ рѣка твоеѧ вѣрѣмъ вѡгѡмъ твоемъ, десница твоеѧ дѧ ѡбръщѣтѣ всѧ ненавѣдѧщѧ тевѣ.

Ѧ. ѡкѡ положѧши ѡхъ ѡкѡ пѣць ѡгненнѡю во вѣрѣмѧ лицѧ твоегѡ: гдѣ гнѣвомъ своимъ смѡтѣтъ ѧ, ѡ снѣтъ ѡхъ ѡгнь.

Ѧ. Пѡдъ ѡхъ ѡ землѡ погѡбѧши, ѡ сѣмѧ ѡхъ ѡ сынѡвѣхъ человѣчѣскѡхъ.

Ѧ. ѡкѡ оубкѡнѡши на тѧ слѧла, помѡбѧши совѣты, ѡхъ же не возмѡгѡтъ сѡстѡбнтѡ.

Ѧ. ѡкѡ положѧши ѧ хрѣбѣтъ: во ѡзбѡтѣхъ твоеѡхъ оубѡтѡбѧши лицѣ ѡхъ.

Ѧ. Вознесѧ, гдѣ, силою твоеѡ: вѡпоѡмъ ѡ поѡмъ силѡ твоеѧ.

ПСАЛОМ 19

1. Начальнику хора.
2. Пусть услышит тебя всегда Господь, а особенно в день заботы твоей — в данном случае войны, пусть защитит тебя имя Бога Иаковлева (имя всесильное, страшное для противника).
3. Пусть пошлёт тебе Господь помощь от святилища Своего, с горы Своей святой Сион [там находился ковчег Завета] защитит тебя.
4. Пусть не оставит без внимания всякую жертву твою и примет как самое лучшее ароматное жертвоприношение.
5. Пусть даст тебе Господь то, что ты пожелаешь, и всякое твоё начинание поддержит.
6. Мы будем рады спасению твоему и прославимся вместе с тобою, когда Господь Бог наш исполнит все твои прошения.
7. Сейчас (во время молитвы Давиду) открылось мне, что спасёт Господь помазанника Своего (царя, т. е. Давида), услышит его с неба — святого Своего — во время опасности, и чудесной силой правой руки Своей подаст ему спасение.
8. Вражеские войска, сильно вооружённые, идут против нас. Мы же не надеемся на оружие, но призовём в помощь себе имя Божие.
9. Враги повержены были и пали, мы же, кого заранее считали погибшими, оправились и укрепились.
10. Господи, храни царя Давида и услышь нас, друзей его, всякий раз, когда мы будем призывать Тебя.

Псалом написал Давид от лица друзей своих во время военного сражения с врагами — войны с сиромонитянами (2 Цар. 12, 29-31). Но молитва эта может быть молитвой каждого христианина в его сражении со страстями. Призывание имени Божия победит все их «конное воинство».

ПСАЛОМ 20

1. Псалом (вдохновенный) Давиду.
2. Господи, благодаря могущественной Твоей помощи, веселится царь Давид, победив врагов своих, и радуется очень. И как не радоваться?
3. Чего желал он — Ты дал ему и в том, чего просил, не отказал.
4. Ты дал даже больше того, что он просил, благословением счастья (даровал ему победу скорее, чем можно было ожидать) и возложил на голову его царский венец (2 Цар. 12, 30).
5. Давид просил у Тебя сохранить ему жизнь, а Ты дал ему ещё и обещание долгой жизни и в его потомстве на все века (в лице потомка его Мессии) (Лк. 1; 32, 33; Пс. 88; 30, 37).
6. Велика теперь слава его у окрестных народов благодаря помощи Твоей; но и в будущем Ты прославишь его ещё больше.
7. Потому что дал ему благословение на все века, обрадовал обещанием покровительства и в будущем.
8. И царь Давид надеется на Господа и с поддержкой Вышнего укрепитя.
9. Рука Твоя, Господи, найдёт всех врагов Твоих, найдёт и покарает правая рука Твоя всех, кто Тебя ненавидит.
10. От страха они будут гореть как дрова в печи, когда Ты обратишь к ним гневное лицо Твоё. Господь гневом Своим приведёт их в смятение, и поразят их всякие беды.

11. Потомство их Господь истребит, и даже памяти о них не останется в человечестве.

12. Все эти беды претерпят враги Твои, Господи, потому что они злословили Тебя и Твоих рабов, замыслили много зла, но не смогут привести свои замыслы в исполнение.

13. Обернёшь их к Себе спиной (т. е. обратишь их в бегство) и с превосходящим их силы войском окружишь их, пустишь стрелы в лицо их.

14. Возвысься, прославься, Господи, силою Твоею, мы же будем прославлять Твоё могущество.

Служит продолжением 19 псалма. 19 и 20 псалмы начинали утреню. Этими словами Церковь от лица верующих молилась за царя.

НОВОСТИ СТАРОСТЫ

В Храме **установлена звукосистема**, которая позволяет родителям с маленькими детьми участвовать в службах, находясь около Храма.

Часть прихожан нашего Храма во главе с настоятелем встречала **схождение Благодатного огня и Пасху на Святой земле**. По возвращении был показан фильм, снятый паломниками во время посещения святых мест. Они поделились с прихожанами своими воспоминаниями и впечатлениями от поездки по Святой земле.

24 мая в день памяти святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, учителям словенским, состоялся крестный ход к их памятнику, что на Славянской площади. У монумента был совершён **молебен** святым братьям — просветителям славян, в котором участвовали наши прихожане.

В мае-июне наш **Приход пополнился**. Поздравляем семьи **Бородкиных, Игнат, Левкиных, Векленко, Нечаевых, Политанской!** Желаем сил, здоровья, терпения вырастить достойных христиан!

Было выделено новое подсобное **помещение для нужд социальной службы**, в нём сделаны новые стеллажи.

У Святейшего Патриарха Алексия II был юбилей — 15-летие интронизации. Настоятель о. Александр помогал в организации праздника.

Закончилась 1-я смена **детского лагеря** в Кимрах. Продолжается работа 2-й смены.

9 июля юношеский клуб отправляется с **поездой на плотях** в Архангельскую область для миссионерской деятельности. Просим помолиться за наших миссионеров.

Рабочие Храма занимаются **ремонтom колокольни**, цоколя — проводят штукатурные работы.

Прихожане Храма занимаются благоустройством территории — проводятся **работы по озеленению**.

НОВОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

За период май-июнь в основном работа отдела социального служения была направлена на помощь людям, оказавшимся в больницах. Болящих у нас

было 9 человек:

1. *Зобина Ирина Ивановна*
2. *Пашкова Татьяна Васильевна*
3. *Немтюрева Маргарита Петровна*
4. *Петров Валерий Георгиевич*
5. *Овчинникова Тамара Ивановна*
6. *Шишлакова Галина Константиновна*
7. *Доброва Зинаида Михайловна*
8. *Шевченко Нина Марковна*
9. *Яковлева Зоя Павловна*

Очень нужна была помощь... Порой невозможно было найти человека навещать больного, отвезти вещи, привезти домой. Большая просьба — если у кого-нибудь бывает свободное время, сообщить об этом в отдел соцслужения.

Наверное, уже почти все знают, что нами окормляются две семьи, где дети больны ДЦП. Сейчас у нас осталась одна семья — это Седовы, совсем недавно у нашего Гриши умер папа. Светлана Ивановна — мама Гриши — очень нуждалась в поддержке и моральной, и материальной. Низкий поклон тем, кто приходил и интересовался, как же они теперь будут жить на Гришину пенсию. Оставляли средства, гостинцы. Огромное спасибо!

Семья Лигай переехала, но теперь у нас появилась новая семья — Клещёвы. Одинокая мама, сыну Максиму — 15 лет, он аутичный ребёнок, не видит. Семья очень нуждается в общении, поддержке, иногда бывает, что с мальчиком нужно побыть дома. Так что помощь нужна всегда.

В этом году исполнилось 60 лет со дня Победы в Великой отечественной войне 1941-1945 годов! Победы над фашизмом, то есть ненавистью и насилием человека над другим человеком.

Во время войны многие обратились к Богу, пришли в храм. До сего дня уже старые, немощные бабушки и дедушки плачут перед иконой Богородицы, с содроганием вспоминая тот ужас, который им пришлось пережить 60 лет назад. Тогда им было не многим больше, чем стоящим рядом с ними сейчас молодым ребятам, учащимся в приходской Воскресной школе нашего Храма.

В мае на Светлой седмице в актовом зале Воскресной школы собрался практически весь наш Приход. Первые места заняли ветераны войны, бабушки и дедушки, все ждали с нетерпением — ребята Воскресной школы подготовили концерт в честь Дня Победы.

Ребята вышли в военной форме. Вышли и стали петь. Петь песни, которые пели они, те, кто сидел в зале, в те страшные годы, читали письма, которые писали они, отдавая свою жизнь за нас и наших родителей, читали стихи, сочинённые в то время, когда наши бабушки и дедушки были такими же, как мы. И вот они сидят здесь, сейчас, они выжили, они прошли сквозь войну и выжили. Милые, родные! Они спасали нас, они не жалели себя, они бросались под пули и танки, а теперь вот совсем рядом сидят и плачут... Да, плачут.

Весь зал плакал, даже сами ребята, выступающие на сцене. Они тоже прочувствовали это настолько, что уже не боясь слёз доиграли последнюю песню, которую пели не только они, а весь зал.

Со слезами на глазах мы выходили из актового зала. Наши ребята, большие и маленькие, взрослые

и дети, мы все поняли, насколько мы любим друг друга, насколько мы все едины в своей любви друг к другу.

Часто у тех, кто стоит у церковной ограды, недавно пришел в храм, да иногда и у давно воцерковлённых православных возникают вопросы и недоумения: зачем нужно тратить столько средств на украшение храмов, к чему золото на куполах, нельзя ли обойтись без красивых, дорогих облачений и икон?.. Вот что мы можем прочитать на этот счёт в замечательной книге «Миссионерские письма».

Святитель Николай Сербский

Письмо 174

скупому господину, о церковном блеске

Вы недоумеваете, почему Православная Церковь позволяет такой блеск и роскошь в храмах: драгоценные иконы, серебряные лампадки, золотые потиры, парчовые облачения и другие дорогостоящие предметы.

Потому, что хочет этим убогим земным сиянием напомнить нам о вечном небесном сиянии;

чтобы отвлечь людей хотя бы ненадолго от их земного убожества и напомнить о другом мире, о небесной родине, о Царстве вечной радости и блаженства;

чтобы показать им, насколько это возможно на земле, зримым и символическим образом те благолепие и богатство, которыми изобилует духовный мир и которыми должна изобиловать душа христианина, заключенная в тело, так же как это сияние заключено внутри каменных стен храма.

Но все это только общее напоминание. Между тем каждый из церковных предметов сообразно со своей формой, цветом, рисунком имеет в православной традиции свое особое значение. Вместе и отдельно символически они выражают учение Христа о пути ко спасению, обетования Христа или какую-то из тайн Царства Небесного.

Вы бы хотели все это превратить в хлеб и съесть! Съедем, и что тогда? Если тело съест и духовную пищу, что останется душе? Разве вы не слышали, что безбожники в России все превратили в хлеб и съели и все-таки голодают, и так голодают, как не голодали со времен Аскольда и Дира? Не хлебом единым жив человек, но и духовной пищей. А все предметы в святом храме предназначены в пищу духовную человеческим душам.

Изучите христианское учение: оно для нас, земных странников, важнее любого другого учения и науки, и Вы это поймете, а поняв, измените образ мыслей.

Мир Вам и благословение.

Письмо 175

тому же, о церковной роскоши

На мое письмо Вы отвечаете новым вопросом: «Разве Христос потерпел бы такую роскошь в храме?». Конечно. Терпел ее тогда, потерпел бы и сейчас. Тогда в Иерусалиме был храм Соломона, редчайшее во всем мире чудо архитектуры и богатства. На убранство этого храма ушло больше золота и драгоценных камней, чем на все балканские храмы, вместе взятые. Весь храм Соломона был выложен золотом: и его алтарь, и стены. Христос много раз входил в этот храм, но ни разу Он не выразил Вашей мысли о том, что все

это нужно превратить в хлеб и съесть. Он предсказал гибель этого храма, и храм погиб, но не из-за золота, находящегося в нем, а из-за нечистоты в человеческих душах.

Меня радует, что Вы проявляете милосердие к бедным, но я бы еще больше радовался, если бы Вы проявляли его за счет своего имущества, а не за счет чужого. Ни в коем случае я не хотел бы Вас видеть по одну сторону с Иудой. Знаете притчу, как Иуда хотел показаться милостивее Христа? Прочтите двенадцатую главу Евангелия от Иоанна. Там говорится о том, как одна женщина пришла ко Христу, взяв фунт народного чистого драгоценного масла, и помазала ноги Иисуса. Иуда, который вскоре предал своего Учителя за сребреники, рассердился и воскликнул: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? На это благий Господь, Который пришел жизнь Свою положить за нищих, ответил: нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда [Ин. 12: 5, 8].

Послушайте же, что я Вам скажу: если бы мы всегда имели с собой Христа, не было бы среди нас нищих. Те, кто имеет с собой Христа, жертвуют Церкви все то, что вы называете «роскошью». Они подают и бедным. Любовь ко Христу вдохновляет их на жертвы — на жертву своей церкви и на жертву своим бедным братьям. А те, кто не имеет Христа, не имеют и нищих. Они хотели бы взять у Церкви и отдать нищим только затем, чтобы не давать свое и чтобы нищие не досаждали им. Вот истинная причина подобных мыслей, носящая маску добродетели.

С радость продолжаем публиковать очень интересные и поучительные воспоминания наших старейших прихожан.

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ

Война обрушилась на нашу семью сразу — 22 июня 1941 года.

Жили мы (мама и двое детей полуторагодовалого и 5-летнего возраста) в посёлке при военном аэродроме под Оршей в Белоруссии. Отец мой был уже переведён в Минск начальником связи авиадивизии. А к нам 20 июня приехала погостить бабушка из Калуги...

Наш аэродром бомбили уже утром 22 июня. (По сведениям «Истории ВОВ 1941-1945 гг.» только за первую половину 22 июня противник вывел из строя 528 наших самолётов на аэродромах и 210 гитлеровцы сбили в воздухе (см. «История ВОВ 1941-1945 гг.», т. 2, с. 16.)

При первом налёте женщины и дети спасались в лесу. В короткое затишье мама сбегала домой, чтобы взять что-то из детских вещей да поставить в корыто с водой комнатные растения. При втором налёте дом немцы разбомбили. Ночью над Оршей полыхало зарево пожаров. Чудом в последнем грузовике нам нашлось место (мы с братом в это время болели корью). До Смоленска мы добирались неделю. Там нас, беженцев, пересажали на открытые вагоны-платформы. Передвигались ночами, днём стояли в тупиках. Часто эшелоны бомбили. Женщины бросались под насыпь, прикрывая детей своими телами. И вдруг стоянка в родной Калуге. Получили разрешение сойти. Но в октябре перед взятием Калуги немцами мы эвакуировались в г. Кузнецк Пензенской области. У бабушки тиф, она в больнице. Мы с мамой разместились в ка-

кой-то ветхой постройке вместе с козами и овцами. Багажная корзина, в которой были необыкновенные ценности того времени: угольный утюг, мыло и тёплые вещи, — «ушла» за Волгу. Пищей служили лепёшки из картофельных очисток и чечевица для детей. Когда бабушка оправилась от тифа, мама устроилась на работу в мыловаренную артель. В свободное от работы время она обслуживала раненых в военном госпитале. Перед войной она закончила медицинские курсы и мечтала стать врачом. Не брезговали мои мама и бабушка и стиркой окровавленной одежды раненых.

И вот однажды в январе 42 года было большое поступление раненых. Носилки стояли в коридорах вдоль стен. Стоны, хрипы, кровь, страдания... Мама проходила по коридору от носилок к носилкам. Ноги у неё были для тепла замотаны газетами, вместо обуви — галоши, привязанные бечёвками. Морозы стояли лютые. Маме 30 лет.

И вдруг из бинтов раздаётся знакомый голос: «Зююшка?» Это был раненый лётчик, бывший начальник аэродрома под Оршей, майор Пимен Корнеевич Московец. Его семья — мать, жена и двое детей — погибла в Орше в первые дни войны.

Я не знаю, в какой срок заживают на войне ожоги и раны. Но вот Пим Корнеич (так для краткости его называли) выписывается из госпиталя и приходит к нам в хибару. Я, двухлетняя кроха, забираюсь ему на плечи со словами: «Я тебе «мышек» поищу» — и перебираю со знанием дела его волосы. По щекам бывалого 45-летнего воина текут слёзы. Реалии войны.

С появлением Пим Корнеича наши условия существования изменились. Нас переселили в тёплую избу. Меня с братом «вдруг» устроили в детский сад — это значило, что мы будем сыты. Нашёлся даже багаж, отправленный за Волгу.

Пимен Корнеевич Московец снова ушёл на фронт лётчиком, где жизнь свою положил за нас с вами.

Вечная ему память!

*Александра Кояндер
Москва, 2005 г.*

Баканина Зинаида Михайловна

ВОСПОМИНАНИЯ

Родилась я в Москве в 1916 г. Детство прошло на Якиманке, училась в школе в Лаврушинском пер. (в этом здании теперь библиотека им. Ушинского), большую часть жизни прожила на Малой Полянке. Замоскворечье — это всё моё, родное. Сколько же тут было храмов!

Рядом с домом, где мы жили с мамой (отец погиб на 1-й Мировой войне), стоял храм Иоакима и Анны. Уже давно снесён и храм и наш дом, но, когда я бываю в этих местах, во мне оживают воспоминания, дорогие сердцу.

Помню, в нашей комнате на стене висел большой медный крест — Распятие Христа. Мама в Бога верила, всегда носила крестик, знала несколько молитв.

Тяжёлые это были для Церкви времена. Мама ходила в Церковь редко, т. к. боялась остаться из-за этого без работы (она работала в детском доме им. Луначарского, которые находился в нашем доме), и меня к Церкви не приучала.

Но вот однажды она повела меня в храм Христа Спасителя. Было мне тогда лет шесть; я помню только огромный голубой, как небо, купол и на нём роспись — лики ангелов.

А в храм Иоакима и Анны я иногда заходила со своими подружками-сестрёнками; их папа там был регентом. Но надолго мы не задерживались, просто было любопытно.

И вот очень яркое воспоминание: церковный праздник, мы идём с подружками домой из храма Иоакима и Анны и несём горящие свечи, стараюсь, чтобы они не погасли.

Наверное, с этими трепещущими огоньками свечек в душу входило чувство Бога, но тогда я о Боге ничего не знала, не понимала и не очень-то интересовалась. Меня увлекало другое. Но Большой Полянке в старинном особняке находился Дом пионеров. Я бежала туда после школы на занятия драмкружка. Затем, закончив школу, поступила в театральную студию, а окончив её, стала работать актрисой в Центральном детском театре (сейчас — Молодёжный) и проработала там всю свою трудовую жизнь.

Когда началась Великая отечественная война, театр эвакуировали в Сибирь. Мы, актёры, работали там не только в театре, но и в госпиталях — обслуживали раненых, которых привозили с фронта: носили их на носилках, помогали медсёстрам, выступали с концертами. Тяжело было видеть страдания раненых. Очень хотелось помочь им. И тогда, не умея молиться, помню, просила в душе Бога облегчить их мучения.

Когда театр в конце войны вернулся в Москву, я продолжала работать там и одновременно — в детской художественной самодеятельности: в школах, детских домах, в Московском детском ревматическом санатории с больными детьми-сердечниками.

Приобщая детей к хорошей литературе, поэзии, ограждая их от безвкусицы и пошлости, старалась воспитывать в них чувства любви, сострадания, дружбы.

Я очень любила своих маленьких «артистов» и просила Бога об их выздоровлении. Бывали случаи, когда тяжелобольные дети умирали. Это перенести было очень тяжело, и я в душе своей молилась о них Богу, не зная ни одной молитвы.

МОЙ ХРАМ

Большую часть своей жизни я прожила в безбожной России. Чувствовала, что есть Бог, но о Христе, Богородице, святых ничего не знала, не молилась, не читала никаких духовных книг.

Иногда, очень редко, заходила в храм Ивана Воина, т. к. жила на Якиманке, но службу не понимала и была совершенно равнодушна к тому, что происходило в храме.

И вот в 1996 г. моя дочь привела меня в Храм Марона Пустынника Сирийского; незадолго до

этого она сама стала прихожанкой этого Храма.

Храм Марона Пустынника тогда только ещё восстанавливался из руин.

Дочь уговорила меня пойти на исповедь к настоятелю о. Александру, и впервые в жизни я стала готовиться к индивидуальной исповеди.

Невозможно передать мои чувства, когда я стояла на исповеди перед батюшкой. Я боялась, что от волнения не смогу вымолвить ни слова. Но неожиданно я почувствовала такую доброту и такую теплоту, исходящие от него, такое откровение и доверие к нему, что рассказала ему всё-всё о себе и своих грехах. После исповеди мне стало легко и радостно, и я всё удивлялась: «Какой молодой священник, а какой мудрый! Я ему рассказала то, в чём себе даже было стыдно признаться!»

Я вдруг почувствовала, что буду ходить в этот Храм, он — мой, я буду учиться веровать. Стала я читать много духовной литературы; батюшка Александр, чувствуя мою совершенную безграмотность в вопросах веры, очень чутко, осторожно направлял меня.

Меня поражали проповеди батюшки. Они не были похожи на лекции, они были как бы беседы, идущими к сердцу; мне казалось, что это он говорит именно обо мне.

В Храме я увидела и узнала людей, сотрудников и прихожан, преданных под руководством батюшки одному общему делу: восстановлению Храма и налаживанию в нём храмовой жизни. Все эти люди — замечательные! Их доброжелательность и чуткость я чувствовала каждый раз и поняла, что я в Храме — не в гостях, а это — мой дом. Мне хотелось часто бывать в Храме. Постепенно я стала понимать и любить службы и старалась их не пропускать. Вокруг я видела светлые, радостные лица. Как много молодёжи! Какие чудные, чистые голоса в хоре! Какой замечательный чтец! Меня многое восхищало.

Стараниями о. Александра и всех прихожан, с Божьей помощью, Храм наш постепенно становился всё краше. Кипела работа, кипела интересная храмовая жизнь. Приходили новые прихожане, оставались с нами: они попадали в атмосферу любви, добра, доверия.

И вот появился второй священник, наш бывший дьякон, — о. Анатолий, — достойный ученик нашего дорогого настоятеля о. Александра, светлый, чуткий, умеющий сопереживать, всё понимающий, много знающий.

Сейчас мне 88 лет, я немощна и поэтому, к сожалению, не могу часто бывать в Храме; всё больше по большим праздникам; и тогда я бываю счастлива!

Но я постоянно чувствую заботу обо мне: мне часто звонят из Храма, спрашивают о здоровье, предлагают помощь. И так на душе становится радостно!

Благодарю за многое батюшек: о. Александра и о. Анатолия — и всех, кто трудится в Храме; спасибо вам всем большое и да спасёт вас Господь!

Ноябрь 2004 г.

Ольга Зорик

Антиквариат

— Что ты плачешь, молодка? — обратилась ко мне пожилая женщина, увесисто облокотившись на вилы, воткнутые в землю.

— Чего-чего плачу, деревню вашу жалко. Как посмотрю на покосившиеся крыши, так слёзы сами из глаз и льются.

— А у тебя что, милк, кто-то живёт тут али как?

— Да нет, никто не живёт, вы вот живёте, а скоро и ваши дома снесут. А я вот как представлю, что давным-давно кто-то из вас молодой был, может, венчаться в церковь на тройке ехал, счастливый, весёлый. А теперь вот разруха полная, так сердце и сжимается от боли. Все крыши на бок. Да, видать, и у деревни свой век есть, — печально вздохнула я, — хоть бы один дом как музей бы сохранили в этом парке! Дети б ходили смотреть, как люди в старину жили. Так ведь? — вопросительно посмотрела я в лицо пожилой женщине.

— Ну дела! Ну дела! Клаш, а Клаш, поди-к сюда! — кричала кому-то старушка, обернувшись назад. — Клавдей, ей ведь деревню нашу жалко! А ну-ка, девка, заходи в хату, — и женщина сделала широкий жест рукой, приглашая меня пройти вперед.

Неуверенно толкнув калитку, я шагнула во двор.

— Как зовут тебя, молодайка?

— Ольга зовут.

— Ну а я, стало быть, Зинаида, — со значением представилась мне пожилая женщина.

— Как пахнет у вас здорово, — широко растопырив ноздри, произнесла я, с шумом втягивая воздух.

— На-во-зом, — как-то нараспев и с особым удовольствием протянула Зинаида. — Не то что у вас в городе — всё чистота да блеск. А у нас зато шик да гладь, да Божья благодать!

— Ой, колесо от телеги, — заметила я, — антиквариат. А это что? Стойло? — заглянула я в тёмное помещение.

— Сама ты стойло, голова деревянная. Двор это, двор!

— Как двор? — изумилась я. — Во дворе дети играют, на качелях качаются, а здесь скотиной пахнет...

— Сказала — двор, и всё тут! — отрубил Зинаида. — Пошли-ка, жаланная, лучше в дом, — и Зинаида поднялась по ступенькам. В избе было чисто и тепло. Молодая девушка мыла полы и постилала чистые дорожки.

— Здравствуйте, — обратилась я к ней, но ответа не последовало.

— Да она у нас кулёк-немушка. К тому же и глухая.

«Жалко девушку», — подумала я.

Хозяйка радушно усадили меня за стол и выставили перед гостьей всё, что только можно.

— Приходи к нам завсегда, да, Клав? — повернув голову, Зинаида обратилась к сестре как бы за поддержкой, — всё тебе будем давать с огорода, всё, что надо, сколько унесёшь.

— Бабоньки, милые, — взмолилась я, — да что вы, неудобно как-то, родные!.. Слава Богу, ну просто милость Божья ко мне, грешной!

— Да нет, Ольга, это нам Господь тебя послал, — пребывала меня Зинаида.

Через день я по знакомой тропинке везла Славу в коляске. Единственный магазин в то время был от нашего дома в сорока минутах езды. Проезжая мимо старенькой калитки, я услышала ласковый голос Зинаиды:

— Оль, ну куда ты запропастилась, я уж тебя второй день жду, вон глянь — сумку-то приготовила. А енто кто в коляске у тебя сидит? Муж аль брат твой?

— Да и муж и брат, Зина. Брат во Христе, — вздохнула я.

— Вот точно, не ошиблась я, — шептала Зинаида, —

Бог тебя к нам привёл. Не случайно ты мимо нашей избы прошла. Ты в каком дому-то живёшь? В зелёном аль в ентом крайнем? Завтре приходи смороду оборви, Олечка. Пропадёт сморода-то, жалко. Ваши-то огольцы всё мне поперетоптали. Я им задницы-то отдеру хворостинной хорошенько вдоль горбины.

И дорогая моя Зинаида широко улыбнулась.

— Милк, ты надьсь у мене уют старинный заказывала? Я вчера на полатех лазала, нашла вот. Ын какой старинной, чугунной. По воздуху махать будешь, сам разорается. Да... Ох и много я им в своей жизни намахала! С двенадцати лет в няньках. Всех деток подняла, — задумавшись сказала Зинаида, вглядываясь куда-то вдаль, в видимое только ей одной далёкое прошлое. — Ну, будешь забирать свой антиквариат, Оль?

Я стояла и пристально всматривалась в её обветренное пропечённое солнышком красивое и родное лицо, на котором так явственно запечатлелась её большая и нелёгкая жизнь. Со слезами на глазах я прошептала ей:

— Ты и есть мой самый главный антиквариат. Спаси нас всех, Господи!

Цена благословения

«Ольга, хочешь немного подработать? — обратилась ко мне Марина Сергеевна. — Подежурь за меня месячишко». — «С удовольствием, — ответила я. — Вячеслав в больнице; конечно, подежурю. А где?» — «Да в конторе одной — тихо, спокойно, сиди себе да молитву читай». А чего — 100 рублей не помешают. Слава Богу! Господь услышал. Я ведь очень расстраивалась, что больного навещаю с пачкой кефира, в то время когда все посетители целыми пакетами носят.

Литургия закончилась, и я поспешила к выходу, но меня окликнула Наташа Бирик: «А ты что — благословение не берёшь?» — «А что, его каждый день что ли брать, благословение-то?» — удивилась я и поспешила в психбольницу к мужу, который, я уверена, как всегда стоит в конце больничного коридора в полосатой пижаме и разных тапочках. Стоит у входной двери и на протяжении уже нескольких часов с надеждой смотрит на неё, повторяя: «Где Оля?».

А на следующее утро я вместе с комендантом обходила здание, которое я должна была охранять, как вдруг моё внимание остановилось на одном окне... Странно, подумала я, а почему на нём нет сигнализации? Почти в каждом отделе дорогостоящие компьютеры. А здесь на первом этаже нет защиты. Я с раздражением отметила этот факт хозяйственнику и сказала, что уж если я сегодня вышла на работу, то отдежурю. Но вообще-то это негоже. «Ишь ты, глазастая какая! — с возмущением ответил мне комендант. — Никого не интересует, а ей надо!» Вечером я неоднократно совершала обход всех помещений и в приподнятом настроении постоянно повторяла: «Взбранной Воеводе победительная...» После вчерашней Литургии настроение было праздничное.

В комендантской каморке действительно было много святоотеческой литературы, на стене висел большой старый календарь с изображением Иисуса Христа. Слева от стола на стене висел щиток с лампочками от сигнализации, которая должна была быть соединена с пультом охраны в милиции.

В два часа ночи я ещё раз обошла знакомым мне маршрутом все помещения и решила отдохнуть на стоявшей в углу раскладушке. Прочитав вечернее правило, я подумала: «Как тихо и спокойно!» Хотела заснуть, но сон не шёл. Забыла кого-нибудь в молитве, пронеслось в голове. Провертившись минут 15 с боку на бок, я прошептала: «Господи, Ты мне не даёшь спать!» И вдруг услышала: «Надевай туфли на ноги и застегни покрепче». Я застыла, но голос был такой властный, что я судорожно стала застёгивать пряжки, непрерывно читая Иисусову молитву. Совершенно не-

ожиданно для себя против всех законов физики я услышала звук стеклореза. Дзык-дзык-дзык. Вот стекло вырезано и положено на подоконник. А вот и гости: первый — прыжок, второй — прыжок, их пятеро — задрожала я. Очки запотели от волнения. Трясущимися руками я нажала кнопку сигнализации, но к своему ужасу заметила, что лампочки бутафорно горят, тихо и мирно, а провода никуда не ведут; как говорится, концы в воду. Почему-то вспомнилось фронтное: «Если погибну, прошу считать меня...» Судорожно я набрала 02, сонный голос строго спросил: «Что надо? Пьяные, что ли, что случилось? — звенел громом подобный голос с той стороны провода. — Адрес?» Боже, я не спросила адреса у Марины! Что делать? «Контора... жилотдел... чугунный забор... Кузнецкий мост...» — шептала я. «Беги, беги!» — пронеслось в голове. На ощупь я нацарапала на листке: «Девчонки, сигнализации нет, милицию вызвала. Простите, если что не так. Ольга».

Перекрестившись и поклонившись Христу, я подошла к двери, открыла её и увидела их. Они шли мне навстречу, озираясь по сторонам, заглядывая в каждый угол. Я сделала неимоверный прыжок, пересекая коридор, и завернула за угол, где находилась старая дубовая дверь на улицу (а я, как на грех, замкнула её для верности черенком от лопаты). Мне показалось, что грабители меня не заметили, ну да, точно, никакой реакции. Я с шумом растворила дверь и всем существом рванулась в ночь. Но, к удивлению, увидела мужчину, стоявшего «на атасе», прямо напротив меня. Кровь застыла в жилах. Я стала пятиться назад, пытаясь влипнуть в стену. Где-то в метрах 20-30 услышала чьи-то голоса. Молодые люди приближались к нам, и я рванула в их сторону. Шумная компания окружила меня, а я только твердила: «Помогите, бандиты, помогите!» Вместе с ними я дошла до метро, но дальше молодые люди, извинившись, меня покинули. Стоя в одиночестве на широкой ночной площади, я увидела несущуюся поперёк площади скорую помощь. И как к единственной надежде я бросилась к ней наперерез. Уперевшись в бампер и глядя в лицо водителю, я умоляла взять меня в машину. «Зачем мне неприятности?» — не соглашался он. Тогда я перевела свой взгляд на врача и стала кричать: «Но ведь у Вас другое сознание! Неужели оставите меня одну в ночи?!»

И вот мы уже проезжаем мимо злополучной конторы. Слава Богу, милиция приехала. Стоит «воронков» и рядом два милиционера, и у каждого к руке прицеплены наручники бандиты. Выйдя из скорой, я обратилась к старшему милиционеру: «Прошу Вас, заведите их в мою комнату, очень Вас прошу!» Войдя в дежурное помещение, я спросила у взломщиков: «Как вы думаете, кто меня предупредил, что вы идёте? Ведь от моего места до окна, через которое вы влезли, не менее 100 м. Как может человеческое ухо слышать звук стеклореза на таком расстоянии, к тому же здание имеет форму буквы П и окно расположено в другом крыле?» Милиционер с удивлением открыл рот. «Вот Он, — медленно произнесла я, — Он, Христос, предупредил меня», — и я показала рукой на стену. Милиционер хмыкнул. «А Вы вот зря хмыкаете, — раскрасневшись, сказала я и ткнула указательным пальцем в его толстый живот. — Да-да, Он есть, и Он здесь».

Немного спустя меня вместе с преступниками посадили на заднее сидение в машину. И тут я впервые увидела лица этих людей. «Совсем молодые ребята», — подумала я и заплакала. У меня не было к ним ненависти, злости, страха. Я сидела и причитала: «Неужели нас этому учат родители? Почему мы такие слабые и нас враг валает как пешек на доске?» Мне было их жалко. И вдруг один из них, словно глядя мне прямо в душу, сказал: «А у меня нет родителей, я, тётушка, сирота, и никто меня ничему не учил!» Он сверлил меня своими широкораспахнутыми глазами, ожидая моего ответа. И вдруг я почувствовала, что Господь как-то испытующе смотрит на меня: «Что скажешь, чадо?» Я шевелила мозгами со скоростью звука, судорожно перебирая всё, что

только можно, в своей голове. И натужно, и как-то торжественно вдруг сказала: «Есть у тебя Отец — это Бог! И Мать есть, причём самая лучшая на свете — Божия Матерь. Не бойся ничего! Даже если окажешься в тюрьме, Они всегда будут с тобой».

Через 10 минут мы были в участке. Ребят опросили и стали описывать их чемодан, с которым они пришли на место преступления. И когда я это всё увидела — клюку, как в «Бриллиантовой руке», газовый баллон, маски, я просто потеряла сознание. Придя в себя, я подписала какой-то протокол и поспешила в свою контору, на рабочее место.

Утром я подошла к коменданту и сообщила о случившемся ночью происшествии. Но меня подняли на смех, сопроводившийся издевательскими колкостями. Я поехала в Храм Марона, где меня встретил о. Александр со словами: «Ну как — поработала без благословения?» Петрович стоял также у входа и, «взяв под козырёк», отдал честь «герою».

Через две недели милиция сама приехала в контору, в которой всё это произошло, и мой рассказ подтвердился. Ко мне подошла моя сестра во Христе Марина Сергеевна и, сообщив об этом факте, тихо плакала у меня на плече.

А я — я благодарю Бога за то, что Он спас меня, недостойную, благодарю Церковь нашу Святую за её постоянную молитву о нас, грешных, и дай Бог крепкого здоровья моему духовному отцу архимандриту Кириллу.

О паломнических поездках можно написать по-разному: и в прозе, и даже поэмой в стихах. Главное — искренне и необычайно интересно для читателей!

Надя Маслова

КРЕЩЕНИЕ

У каждой семьи есть Дом. Это дом, где живут люди, где горит уютным фонариком очаг, согревающий в холодную зиму, очаг, по которому мы скучаем в дальней дороге. У нашей семьи такой очаг зовется Храмом...

Но у каждой семьи в наше время, помимо дома, всегда должна быть ещё и дача. Хотя, наверное, для дальнейшего повествования это не очень удачное сравнение, но для тех, кто не знает нашей жизни, объясню наглядно, на простом примере. Так вот, дача. Это такое место, где после душного города мы отдыхаем душой и телом, где мы вдыхаем полной грудью свежий ветер, где хочется смеяться от радости и какой-то невероятной для серого горожанина свободы. Это место, где разбегаются глаза от бескрайности открытого простора, где мы тонем в высоте глубокого неба...

Да. Так вот такой «дачей» для нашей семьи уже много лет назад стал Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий мужской монастырь в Костромской области под Галичем. Этот монастырь, словно миска с молоком, наполненный до краёв Благодатью, летит сквозь просторы невозможно широких полей к бесконечной дали Чухломского озера, словно белый корабль с серебряными и золотыми парусами. В него невероятно приятно приезжать. Ещё до того, как выйдешь на старую «советской» станции Галич, ещё до того, как после нескольких часов ожидания автобуса два часа протрясёшься по забытым дорогам. До того, как тебя будто случайно оставят на пустой дороге посреди голого пространства глухой глубинки нашей Родины, до того, как увидишь вдалеке купол колокольни белого как снег монастыря, до этого ещё ощущаешь всем телом невероятную радость. Ощущение встречи, восторженный страх, будто там, именно там, тебя ждёт какое-то чудо. Что-то невероятно родное, доброе, хорошее... После того как я впервые там побывала, я даже сочинила маленькое стихотворение, вот это:

Там, где за озерами
Видно далеко,
За лесными хвоями,
Где дышать легко,
Где молчанье — золото
Древних куполов,
Там обитель Господа,
И не нужно слов.

Настоятель обители — архимандрит Никандр, потрясающий батюшка. Практически на нём одном держится весь монастырь, вместе с братией, хозяйством и приезжими трудниками и паломниками, причём ни тени властности не проявляет добрый батюшка ни к кому. Он весь светится любовью к людям, своему делу, своему монастырю. Он сияет любовью к Господу, он себя готов положить во имя Господа...

Прямо у подножия монастыря оседает полуразвалившимся сирыми деревянными домишками деревня Ножкино. Хотя нет, не деревня, — село, потому что у неё есть храм. То есть был храм, когда-то, до революции был, а сейчас... Эх, видели бы вы, что сделала с ним эта война! Благо, весь не развалился. Издалека кажется, что вроде бы все элементы архитектуры на месте, но храм распался по кирпичику: без штукатурки, без части колонн, портала, без окон и дверей... Так, только каркас. А внутри, кажется, все 70 лет советской власти жили божки. Думаю, не стоит это описывать. Всем и так понятно, чем это может закончиться и просто для дома, а для храма тем более. Это храм Покрова Богородицы.

Много лет назад отец Никандр, сам только-только «поставив на ноги» свой монастырь, начал восстанавливать этот храм вместе с его настоятелем отцом Андреем. Работа шла тяжело, с преодолением множества преград и, казалось бы, непреодолимых препятствий. Несчастные жители этого вымирающего села как могли мешали восстановлению собственного храма: плевали, гадили, портили... В общем, старались, не жалея сил. Но всё же работа шла, с упорством человека, только что вставшего после тяжелейшего заболевания.

Мы видели это своими собственными глазами, когда из руин храма — обвалившегося кирпича и хлама — вдруг вырастали очертания внутреннего убранства, колонны, расчищалось место алтаря, как постепенно залатывались дыры... Не скрою, и наши ребята потрудились на восстановлении. А что скрывать, когда это так и есть?

Нет, естественно, нельзя даже за несколько лет почти вручную восстановить такой большой когда-то и красивый храм в стиле русского классицизма, но...

На прошлой неделе в наш Храм преподобного Марона Пустынника Сирийского приехал отец Никандр. Он вошёл в Храм такой радостный, довольный... Благословил нас и ушёл в алтарь.

Теперь, друзья мои, я буду рассказывать от своего лица, потому что от чужого лица рассказывать не могу, оно у меня одно. А что происходило с другими без моего непосредственного участия, достоверно утверждать не могу.

В воскресенье, после Литургии, мы собрались в трапезной. Вдруг, можно сказать, откуда ни возьмись, влетел Рома. Его святающееся лицо выражало следующее: «У меня созрела новая идея!»

— Что случилось? — удивились мы.

— Представляете, — возбуждённо взмахнув руками, сказал Рома, — в следующий понедельник в храме Покрова Пресвятой Богородицы освящение престола! Давайте поедим на выходные туда?!

Батюшки довольно переглянулись и улыбнулись в бороды. Кто откажется от такой идеи, если получится отпроситься с работы и учёбы? Конечно, большинство согласилось. Так как времени на покупку билетов до Галича не оставалось, а у нашего Прихода недавно появилась собственная «ГАЗель» (которую мы уже успели обкатать две недели

назад: ездили в Троице-Сергиеву Лавру), решили ехать на ней. Нас согласился довести Дмитрий, прихожанин и певчий нашего Храма. Но с одним условием: мы поедем туда с заездом в Ярославль, а обратно — с заездом в Кострому. От такой экскурсии отказываться просто неприлично, и мы, ребята вежливые, естественно, согласились.

Пять суток Лия Алексеевна, Ольга Александровна и Алевтина Ивановна шли облачения на престолы в Храм. Эти облачения мы должны были привезти в субботу в монастырь. Но в итоге их не успели доделать в срок. С нами поехали Марина Николаевна и Ольга Александровна, они дошивали облачения ещё и в дороге, и в монастыре ещё пришлось немного доработать.

За сутки до нас в монастырь уехали готовить трапезу к празднику наши повара: Раиса Васильевна, раба Божия Маргарита и раба Божия Галина.

Захотелось поехать почти всем, но, к сожалению, поехали только те, которые смогли. А смогло поехать из клуба только четырнадцать человек.

В субботу утром мы собрались около Храма. «ГАЗель», ничего не подозревая, послушно ждала нас. С трудом погружив непонятно откуда взявшуюся гору вещей в дорогу, мы тронулись в путь. Ехать до монастыря на машине часов восемь.

До Ярославля мы добрались через три с половиной часа. Около ярославльского кремля нас встретили родители Дмитрия. Они провели нас небольшую экскурсию по городу, а затем мы поехали в монастырь к Толгской Божьей Матери. Это одна из немногих икон в мире, не писаная, а явленная! Но, помимо этой иконы, обнаружилось, что мы попали как раз в то время, когда в монастыре на три дня выставлена икона Божьей Матери «Умягчение злых сердец». У икон мы задержались надолго. Когда происходят чудеса, нельзя от них отказываться и проходить мимо. Уезжать отсюда не хотелось. Никогда не хочется уезжать из монастырей... Но надо.

Приехали в Авраамиево-Городецкий монастырь поздно вечером в субботу. Так устали, что, только поев холодного супа, прочли все вместе вечернее правило и завалились спать. Я всегда очень хорошо высыпаюсь в этом монастыре. Даже тогда, когда долго работаешь и буквально сваливаешься от усталости, всё равно как-то легко и глубоко засыпается и так же легко просыпается. Говорю за себя.

Утром, после Литургии, надо было идти на послушание. Не просто послушание. Надо было срочно готовиться к завтрашнему освящению престола. Но прежде решили пойти на святой источник.

— Девушки первые, — заявили мы, но было уже поздно. Мальчишки вбежали в купальню и оттуда послышались всплески воды. Дрожа от холода, горячие и довольные, ребята выходили прямо на снег босиком, растираясь на ходу полотенцем. Мы, девушки, на такие безумства были не готовы. Войдя в купальню, мы пропели Богородичную молитву и со страхом воззрились на ледяную прорубь. Холодно. Помявшись ещё немного на краю, Нина решила первая. Затем Оля, я, Надя, и Валя. Знаете, кто больше всего кричит после того, как кто-либо войдёт в ледяной источник? Нет, не тот, кто вошёл, а те, кто на него смотрят. У страха глаза велики.

После источника, здоровые, румяные, уже не думая (как до купания) о возможных простудных заболеваниях, мы отправились готовиться к завтрашнему дню. Мальчишки вытрясали ковры из алтаря, а девчонки сразу отправились в трапезную помогать нашим женщинам готовить. Дело в том, что завтра должен был приехать архиепископ Костромской и Галичский Александр. Он и будет освящать престолы и служить первую в этом храме со времён разрухи Божественную Литургию.

Когда ребята освободились, они тоже присоединились к готовке. Гриша с Даней мыли посуду, Вася и Ваня чистили с нами свёклу и картошку, Рома с Димой тоже чистили картошку и морковку, а Вася Родионов читал правило к

Причащению на завтра. Вёдрами чистилась картошка, свёкла, морковь, лук... (Брр, о луке лучше не вспоминать!) Когда пробило одиннадцать вечера, не было ещё готово и половины, да к тому же надо было расставлять и накрывать столы.

В общем, когда мы всё закончили, было уже около двух часов ночи. И это нас просто уже отправили спать, а наши женщины ещё оставались резать салаты... Кажется, они так и не ложились этой ночью. Хочется написать для них что-то доброе в благодарность, но на ум идёт только одно: Героини! Лично я искренне восхищаюсь ими!

Вставать надо было в полседьмого утра. Освящение начиналось в полвосьмого.

Этим утром всё делалось бегом. Мы даже до храма, до которого идти-то десять минут от силы, ездили на нашей несчастной «ГАЗели», причём на приличной скорости. Просто потому, что надо было всё сделать хорошо и красиво. Отец Никандр очень переживал, и расстраивать его не хотелось.

Перед службой архиепископ вышел и сказал:

— Освящение нового престола — это рождение нового храма. Это когда кирпичная постройка превращается в Дом, куда призывается Святой Дух. В Дом Бога. Это крещение храма, которое совершается один раз в жизни.

Служба получилась потрясающая. Престолы (Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы) освящал архиепископ и другие костромские священники, отец Андрей, настоятель храма, и отец Никандр. Красивая служба, торжественная, яркая! А мы стояли и радовались. Радовались за отца Никандра, радовались возрождению храма, тому, что архиепископ такой добрый, радовались за молодого монаха, рукоположенного в диакона (его рукополагали прямо на Литургии, я первый раз такое видела!), радовались за всех! Ни с чем не сравнимо это чувство, когда ты радуешься не за себя. Когда за себя — радоваться как-то даже одиноко, потому что это только твоя радость, и ничья больше, а когда за других — она общая, возникает ощущение как-то-то невероятного единства. Единства душ, единства с Богом и друг с другом. Будто монолитной стеной мы стоим и погружаемся в блаженство существования, всем миром! Не знаю, понятно ли я излагаю, но примерно так я чувствовала себя в это утро, причащаясь Святых Тайн на первой Божественной Литургии в возрождённом монахами храме.

Не хочется говорить, только молчать и утопать в счастье.

Уезжать было грустно. Ужасно не хотелось. Мы остались на трапезу (где благополучно объелись).

Пропев молитву после еды, отец Никандр сказал архиепископу Александру:

— А вот это, — он указал на нас, рядом сидящих на лавке, — наши маронцы. Из Храма преподобного Марона Пустынника в Москве.

— Давайте с ними сфотографируемся, — сказал архиепископ.

Мы обрадовались и стремглав полетели за куртками, а затем так же стремглав — на улицу. На сырую, ветреную и холодную улицу, надо заметить. Что ж, поспешив — людей насмешившь. Пришлось и нам помёрзнуть. Батюшек ждали полчаса. За это время успели промёрзнуть насквозь, собрать и отнести вещи в машину, сходить к мощам преподобного Авраамия Городецкого и снова замёрзнуть.

Когда архиепископ вышел на улицу, мы уже стояли по стойке «мирно» на дорожке в том порядке, в котором нас поставили для фотографии. Причём стояли так не столько по послушанию своему, сколько оттого, что так задубели, что особенно двигаться не хотелось. А для фото надо стоять кучкой, что очень удобно для согрева.

При появлении батюшек мы оживились. Пользуясь случаем, Рома сказал архиепископу о нашем Храме.

— Дай мне свои координаты, — тоном, не требующим возражений, попросил архиепископ, что, собственно, и ожидалось услышать. Архиепископу понравилось то, что мы молодёжный клуб, так как он председатель Отдела Патриархии по делам молодёжи. А нам понравилось то, что

мы ему понравились. Нам этого достаточно.

Мы сфотографировались, благословились два раза у обоих батюшек и выехали из монастыря примерно без четверти четыре. Почти всю дорогу домой мы пели песни. Было хорошо, весело, спокойно.

В Кострому приехали в семь вечера. Но это уже нико-го не расстраивало. Даже то, что в Москве мы будем не раньше одиннадцати точно. Мы пошли в Богоявленско-Анастасьевский женский монастырь к иконе Феодоровской Божьей Матери.

Вот у нас и получилась полноценная паломническая поездка... Уставшие и счастливые, мы уснули в машине, уткнувшись друг другу в плечо, и так проспали до самой Москвы.

9-11.04.2005

БАЛЛАДА ОБ ОЖИДАНИИ СХОЖДЕНИЯ БЛАГОДАТНОГО ОГНЯ

*Подходят к концу дни Святого Поста.
Последние дни — одна суета:
Сбор, чемоданы, контроль, самолёт,
Почти что бессонный ночной перелёт.
Но вот мы проснулись, в окна глядим,
Пред взором раскинут Иерусалим.
Смотрю в удивлении — не верится мне.
Может быть, это вижу только во сне?
Нет, это не сон, не мираж и не сказка.
Я на Святой Земле, и на Пасху!!!
Вот наступил день Великой Субботы.
У меня на уме — одна лишь забота.
Вернее, у всех, а не только у меня —
Попасть бы нам в Храм на Схождение Огня!
Мы к этому чуду специально стремились.
Чтоб пропуски дали, усердно молились.
Но дали нам лишь половину билетов.
И то слава Богу! Спасибо на этом!
Пусть билеты возьмёт старшее поколение,
Чтобы им не попасть в столпотворенье.
Пусть спокойно пройдут и встретают нас в Храме,
А нас проведут обходными путями...
Мы спешно идём по пустым закоулкам,
Город, кажется, спит, тишина в переулках.
Лишь редко в пути попадается кто-то...
Вот пришли мы к какому-то закрытым воротам.
Перед нами народ стоит плотной стеной.
Здесь предстоит нам выдержать бой.
Прикрепили билеты, подтянулись, собрались,
Дружно вдохнули, за руки взялись.
К бою готовы! Расступись-ка, народ!
Отряд в чёрных подрасниках к Храму идёт!
Неужели прорвались? Бежим без оглядки.
Видим вдруг: потеряли последнего в схватке.
Что же делать? Вернулись. Он ждёт у ворот.
Пропустили его — и снова вперёд.
Немного прошли. Пора расставаться.
Половина ушли, нам пришлось оставаться.
Бывалый наш гид — полевой командир —
Взвод на отряды-семёрки разбил.
Ждём того, кто сказал, что нас в Храм проведёт.
А пока хор усердно акафист поёт.
То и дело заслоны снимает охрана,
Наш взвод терпеливо стоит у фонтана.
Мимо нас пробегают десятки людей —
А мы молитвы читаем на «вахте» своей.
Как же хочется мне вместе с ними бежать!
Но велено здесь оставаться и ждать.
Так ещё один час молитвы прошёл.
Наконец, долгожданный араб подошёл.
Он добыл где-то три билета на вход,
Приказал на тройки разбиться наш взвод.
Усугубили вновь мы молитвенный труд,
Пока первые тройки до Храма дойдут.
Через пол или крышу, любыми путями,
Сподоби нас, Господи, встретиться в Храме!
Дважды шёл на прорыв наш первый отряд,
И дважды ни с чем возвращался назад.*

А люди стекаются с разных сторон.
Уже у фонтана вырос заслон.
Я начинаю тихонько роптать —
Надо было вперёд проходить, а не ждать.
Но тут Господь нам послал утешенье —
В небе над нами возникло знаменьё:
Вкруг солнца — радуга в виде полукольца!
Радости нашей не видно конца...
Гид отдал приказ — срочно всем собираться!
Вскоре к Храму заслон будет вновь открываться.
Быстро клином построился маленький взвод,
Сквозь толпу к ограде пробрался вперёд.
Держась друг за друга, стоим в напряжённости,
Но на той стороне — никакого движения.
Час за часом в готовности номер один
В чёрной форме печётся на солнце наш клин.
Мы стулья складные держим в руках,
Но расставить и сесть мешает нам страх:
Вдруг дорогу откроют и надо бежать?
И мы продолжаем с надеждой стоять.
Хорошая новость прошла по рядам -
Пустили группу с батюшкой в Храм.
Мы рады за них и тут же грустим:
Они в Храме сидят, а мы тут же стоим.
Вместе бы шли, и делиться не надо,
Сидели бы в Храме, без давки, в прохладе.
Утешаю себя — значит, я недостойна.
Но от мысли такой не стало спокойней.
В надежде, что всё-таки в Храм попадём,
Мы непрестанно молитвы поём.
И вновь нам Господь послал утешенье:
На небе опять появилось знаменьё.
Радуга! Хотя и не пахнет дождём!
Да ещё вокруг солнца сомкнулась кругом!
Радужный круг постепенно растёт,
Как будто с небес благодать к нам идёт.
Радуга всеми цветами играет,
А вокруг облака паутины сплетают.
Вот они как ступеньки пречудно сплелись,
От радуги к Храму — лестница вниз!
На глазах менялись собой облака
И стали похожи на голубка.
Дух Святой в виде голубя сходит с небес!
А в другой стороне видим облачный крест!
Все на небо смотрят заворожённо,
Даже охрана стоит поражённо.
Наш взвод постоянно молитвы поёт,
И хор наш всё больше растёт и растёт.
За нами расставили стулья, зонты,
Там тень и прохлада, нет духоты.
Там можно расслабиться, сесть отдохнуть,
Воды и сока спокойно хлебнуть.
Но мы продолжаем стоять и молиться -
Только бы в Храм поскорее пробиться!
Только об этом наши моления,
И только об этом все помышленья.
Нет пользы душе от молитвы такой,
И Бог дал понять мне неверный настрой.
Меня на минутку позвали из строя.
Вдруг наши куда-то бросились двое,
А с ними араб бежит провозжать,
И тянут меня за собою бежать.
Куда мы бежим? Сердце сладко забилося.
Неужели лазейка к Храму открылась?
Вот проскочили мы первый заслон,
Но вскоре опять показался кордон.
Мы просим, мы молим, но нас не пускают.
И молча от стойки отодвигают.
Здесь к Храму поближе и меньше людей,
Однако насколько здесь дух тяжелей!
Там тихо, спокойно, нас не толкали,
Мирно молились, пели и ждали.
Здесь же люди вели себя агрессивно,

Ограду прорвать пытались насильно,
Кричали и бились, с полицией дрались,
А также друг с другом активно толкались.
Полиция своей укрепила наряд.
Я думаю: может, вернуться назад?
Но всё-таки очень хочется в Храм!
И, слабо надеясь, остались мы там.
Так простояли ещё минут пять.
Вдруг с улицы начал шум нарастать.
То к Храму арабская шла молодёжь.
При виде неё меня бросило в дрожь.
Крепкие парни наступают рядами,
Пальцами машут и кулаками.
На плечах друг у друга танцуют и скачут,
Будто больельщики только что с матча.
Скандируют что-то и громко кричат,
Над головами одеждой вертят.
Полиция вдруг начала суетиться,
Стоявшие с нами давай расходиться.
Мы у арабов стоим на пути.
Проводник наш махнул — можно с ними пройти.
Но процессия эта мне неприятна,
Наша тройка бегом побегала обратно.
Так, в Храм прорываться пропала охота.
Теперь у меня другая забота:
Даже если скоро откроют преграду,
Бежать всех быстрее к Храму — не надо.
Неважно, где я буду стоять,
Можно и здесь получить благодать.
Главное, чтоб по Схождении Огня
Радость от чуда коснулась меня.
Два часа оставалось. Молиться я буду,
О том, чтоб успеть подготовиться к Чуду.
Лишь только решила я к Храму не вратиться —
В душе понемногу стал мир водворяться.
Однако спокойно молиться не дали:
«В Храме дерутся» — нам передали.
Как там наши? Молитву возносим усердно.
И даже охрана стала к нам милосердна.
Бутылки с холодной водой нам раздали.
Другие же веером нас обдували...
Время Схождения постепенно проходит.
Но почему же Огонь всё не сходит?
Многие в страхе — а вдруг не сойдёт?
И всё усердней молился народ.
Вдруг крик небывалый с разных сторон.
А за ним уже слышен колокольный трезвон.
Чудо свершилось!!! Мы тоже кричим
И к небу подняли свечек пучки.
Сейчас к нам с Огнём примчится гонец.
Ну когда же он прибежит, наконец?
Все в напряжении волнуются, ждут.
Мучительно тянутся пять-семь минут.
Вдруг женщина, видим, идёт не спеша,
В руках зажжённые свечи держит.
Кричим ей: «Сюда! Скорее! Скорей!»
Она к нам идёт все быстрее и быстрее.
Народ от волнения всё громче кричит,
И женщина та уже быстро бежит.
Зажгли мы пучки, и кажется мне -
В ту же секунду вся площадь в огне!
Вдруг слышу: «Он правда не обжигает!»
И вижу, как люди лицо улыбают.
И чудо! Огонь мне руку не жжёт,
Лишь тёплый воздух сквозь пальцы идёт.
Крики восторга. Что же тут началось!
Объятия и слёзы. Воскресе Христос!
И чувство, что точно Господь между нами!
А больше сказать невозможно словами!

14-17 мая 2005 г.
Кеворкова Светлана

Мы будем рады Вашему участию и помощи в подготовке следующих номеров.
Звоните: 238-0898, 135-2302 (с 10 до 18, Антон), пишите orthodox@mail.ru

119049, Москва, В-49, ул. Большая Якиманка, д. 32, стр. 2, тел.: (095)238-0898, 238-0596
ИНН 7706058742 р/с 40703810000060000207 в ОАО «МИНБ», г. Москва
БИК 044525600 к/с 30101810300000000600 КПП 770601001 Приход храма преп. Марона Пустынника
